

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ (КИТАЙЦЫ-КОРЕЙЦЫ-ЯПОНЦЫ) ОТНОШЕНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ ПЕРВАЯ ТРЕТЬ ХХ ВЕКА

Гайкин В.А., Владивосток (Россия)

Аннотация: Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) всегда находилась на перекрёстке движения и интересов нескольких народов и государств: Китая, маньчжурских этносов, Кореи (в Корее этот регион считается сакральной родиной предков современных корейцев). В 20-м веке здесь столкнулись волны российской экспансии и японской агрессии, которые привели к двум войнам между этими странами. Этот регион стал местом совместного проживания китайцев, маньчжур, корейцев, японцев и русских, чья общая история переплеталась в сложных отношениях как у жителей большой коммунальной квартиры, создающих коалиции, плетущих интриги, но вынужденных ужиться в этом общем доме.

Ключевые слова: Маньчжурия, корейцы, японцы, китайцы, японская экспансия, политика Китая.

INTERNATIONAL (CHINESE-KOREAN-JAPANESE) RELATIONS IN MANCHURIA THE FIRST THIRD OF THE TWENTIETH CENTURY

Gaikin V. A., Vladivostok (Russian Federation)

Abstract: Manchuria (northeast China) has always been at the crossroads of the movement and interests of several peoples and States: China, Manchurian ethnic groups, Korea (in Korea, this region is considered the sacred homeland of the ancestors of modern Koreans). In the 20th century, waves of Russian expansion and Japanese aggression collided here, leading to two wars between these countries. This region became a place of cohabitation of Chinese, Manchus, Koreans, Japanese and Russians, whose common history was intertwined in complex relationships as residents of a large communal apartment, creating coalitions, weaving intrigues, but forced to get along in this common house.

Keywords: Manchuria, the Koreans, the Japanese, the Chinese, the Japanese expansion policy of China.

Плодородные земли долины пограничной реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы (с середины XIX в.). Позднее проникновение

китайцев объясняется труднодоступным характером местности, огражденной горами. С корейской же стороны попасть туда, перейдя реку Туманган было довольно легко. В результате к началу 20 века китайская территория, прилегающая к пограничной с Кореей реке, оказалась заселенной корейскими крестьянами-иммигрантами. Этот регион получил название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживали 72076 корейцев и только 21983 китайцев [6, с. 326]. Сегодня это корейский автономный округ Яньбянь, который должен стать территорией реализации «Проекта Туманган»). В четырех уездах Цзяньдао в 1920 г. проживали уже 143 тыс. человек, из них корейцев – 109 500, китайцев – 33 тыс. На 1931 г. число жителей превысило 500 тыс. человек, из которых корейцы составили 395 847 человек [8, с. 12].

Корейские иммигранты, пройдя через Цзяньдао, селились и во внутренних районах провинции Цзилинь. Еще один район значительной концентрации корейского населения – это приграничные уезды провинций Цзилинь (в районе Чанбайшаня) и Ляонин (за р. Ялуцзян). По численности корейцы уступали здесь китайцам. Из районов, примыкающих к р. Ялуцзян, корейцы распространялись вглубь провинции Ляонин. К началу 30-х гг. корейское население в Северо-Восточном Китае составляло около 800 тыс. человек. В провинции Цзилинь (включая Цзяньдао) насчитывалось около 500 тыс. корейцев [2, с. 90], в провинции Ляонин – около 250 тыс. [1, с. 75], в провинциях Хэйлунцзян и Хэйхэ – около 50 тыс. человек.

В 20-е годы интенсивное заселение Маньчжурии китайцами привело к росту цен на землю и повышению арендных ставок. Эти и другие факторы вызвали увеличение числа арендных конфликтов между китайскими землевладельцами и корейскими арендаторами. Китайские власти, защищая интересы помещиков, сгоняли с земли корейских крестьян. Газета ЮМЖД «Маньчжурия дэйлиньсю» от 16 января 1924 г. писала: «Ввиду преследования корейцев в Маньчжурии и отношения к японцам, которое является далеко не благоприятным, токийское правительство должно взять на себя обязанность поддержания японского престижа и окончательного разрешения этого вопроса».

Резкое увеличение численности корейцев в Маньчжурии, их экономическое преуспевание, с одной стороны, активность Японии в Цзяньдао, по существу превратившей этот район в свою полуколонию, с другой стороны, заставили китайские власти принять радикальные меры. Вторая половина 20-х годов – это период

гонений на корейцев, равных которым не было в истории корейской эмиграции в Китае. Правовой основой для преследования корейцев послужили, как ни странно, два японо-китайских секретных соглашения, инициатором заключения которых была Япония. Это – «Двустороннее соглашение о контроле над корейцами», заключённое 11 июня 1925 г. и получившее название «Договор Мицзя», и «Правила осуществления контроля над корейцами», заключённое 8 июля 1925 г. [9, с. 139]. В подписании этих соглашений участвовали начальник полицейского управления корейского генерал-губернаторства и начальник полиции провинции Ляонин. Закрывая эти соглашения, японцы стремились руками китайских властей пресечь антияпонскую деятельность корейских борцов за независимость в приграничных с Кореей районах Маньчжурии. Они давали право китайской администрации арестовывать корейцев, являющихся японскими подданными, невзирая на право экстерриториальности, и выдавать их Японии.

Однако для китайской администрации нежелательными были как корейские коммунисты, так и корейские крестьяне, которых японцы стремились использовать в качестве орудия колониальной политики. Вслед за заключением соглашений последовала серия законов и постановлений, выпущенных китайскими властями, обрушивших на корейцев Маньчжурии репрессии под предлогом борьбы с антияпонским движением. Эти законы преследовали цель если не изгнать сотни тысяч корейцев из Маньчжурии, то запугать, деморализовать, вывести из-под японского влияния, заставить принять китайское подданство и ассимилировать их.

За 1925–1926 гг. было зарегистрировано 30 случаев гонений на корейцев, основывавшихся на вышеуказанных постановлениях. Из них – 10 были в области образования, 5 – запрещение проживания, 4 – запрещение аренды земли, 4 – принуждение к натурализации, 1 – покупка земли, 6 – связаны с документами на проживание [9, с. 142, 143]. 29 декабря 1928 г., через 7 месяцев после убийства Чжан Цзолина, его сын и преемник Чжан Сюэлян выступил с заявлением о признании власти Нанкинского правительства. Переориентацией Чжан Сюэляна означала продолжение репрессий по отношению к корейцам. В 1930 г. маньчжурские власти опубликовали указ, призывающий китайских землевладельцев разорвать все арендные договоры с корейцами [9, с. 128]. Ненависть, питаемая китайцами к Японии и ко всему с ней связанному, переносилась на корейцев. Таким образом, Япония претворяла в жизнь излюбленное правило колонизаторов «разделяй и властвуй», вбивая клин

между китайским и корейским населением Маньчжурии. Что касается вышешприведённых обвинений китайского буржуазного журнала, то, если в них и была доля правды, она целиком относилась к меньшинству прояпонски настроенных корейцев, которые при подстрекательстве японцев порой совершали антикитайские выпады.

Во время событий 1907–1909 гг. (попытка оккупации Цзяньдао) японские колонизаторы выработали специфическую многоцелевую политику в отношении маньчжурских корейцев, состоявшую из комплекса политических, экономических и идеологических мероприятий, политику, которая в несколько видоизменённом виде претворялась в жизнь вплоть до 1931 г. и демагогически называлась «защитой и покровительством».

Политика «защиты и покровительства» определялась отнюдь не филантропическими соображениями. Она являлась составной частью агрессивной политики Японии по установлению своего господства в Северо-Восточном Китае. Во-первых, Япония использовала лозунг «защиты корейцев» как предлог для посылки войск в Маньчжурию с целью территориальной экспансии, для содержания в Маньчжурии консульства и полицейских отрядов. Присутствие корейских переселенцев в Маньчжурии стало фактором, усиливающим позиции Японии в этом регионе, расширяло зону её влияния, давало возможность Японии оказывать давление на китайское правительство.

Другой целью политики «защиты и покровительства» было стремление Японии использовать корейских крестьян для японской сельскохозяйственной колонизации Маньчжурии. При всех льготах, которые японское правительство предоставляло японским крестьянам-переселенцам, сельскохозяйственная колонизация Северо-Востока Китая силами японских колонистов по многим причинам не удалась [7, с. 54, 55, 56]. В то же время заселение Маньчжурии корейскими крестьянами проходило довольно интенсивно. Колонизаторы стремились привлечь корейских переселенцев на свою сторону. Однако, учитывая, что японцы хозяйничали в Корее, подвергали притеснениям и эксплуатации коренных жителей, и что причиной эмиграции многих корейцев была именно колониальная политика Японии в Корее, завоевать доверие переселенцев было крайне трудно.

Арендные конфликты, возникавшие между китайскими помещиками и корейскими крестьянами, Япония использовала в своих интересах, разжигая национальную рознь, оглушая корей-

цев демагогией фраз о заботе, сочувствии и общности интересов. Само по себе широко рекламируемое «покровительство» Японии порождало недоверие китайцев к корейской диаспоре. Частым явлением стали антикорейские выпады на страницах китайской печати, настраивающие общественное мнение против корейцев, именуемых не иначе, как «авангард японской колонизации» [4, с. 342]. Обвинения были выдержаны в шовинистическом духе.

Японские экспансионисты пытались закабалить корейских крестьян экономически, взять под контроль землю, которую они обрабатывали, урожай, который они получали. Для этой цели в Маньчжурии в 1910 г. были организованы так называемые кредитные товарищества. Тем не менее, корейские переселенцы не стали послушным орудием японской агрессии. По данным японской разведки, «в конце 1921 г. 150 тысяч корейцев в Маньчжурии и Сибири находились под влиянием большевистской пропаганды (среди китайцев – 20 тысяч» [5, с. 22].

Поэтому третьей целью политики «защиты и покровительства» являлась борьба с антияпонским движением корейского населения Маньчжурии. Если японские карательные экспедиции, периодически (в 1910, 1920, 1930 гг.) вторгавшиеся в Северо-Восточный Китай для расправы с борцами за независимость, были кнутом, то «защита и покровительство» были пряником, которым японцы надеялись привлечь корейское население на свою сторону, создать вокруг борцов за освобождение Кореи вакуум и тем самым обречь их на поражение. С этой целью в Маньчжурии строились школы для корейских детей с преподавателями-японцами, которые рассказывали школьникам о величии Японии и о пагубности национально-освободительного движения. Корейским переселенцам оказывалась незначительная финансовая помощь, сопровождаемая пропагандистской шумихой. Цель колонизаторов состояла в том, «чтобы с минимальной суммы затрат получить максимальные политические проценты» [3, с. 177].

Литература

1. Леонидов И. Корейцы в Маньчжурии. // Вестник Маньчжурии. - 1930. - № 11-12. - С. 14-28.
2. Маньчжурия. Экономическое, географическое описание. - Харбин, 1934. ч. 1. - 287 с.
3. Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. - М., 1966. - 345 с.

4. The China weekly review. 1931 v.57, № 9 (1.08.1931). p. 335–344.
5. The journal of Asian studies. 1960, v. xx. № 1. – p. 20–36.
6. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей). – Токио. 1970. Т. 1 – 697 с.
7. Ямада Гоити. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антитяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы) // Рэкиси хёрон. - 1962. – № 7. – С. 40–59.
8. Мун Ындо. 1920 нёндэмал – 1930 нёндэ хотон манчибан чосон инмин ы киегып кусон квасэн хвалсантаэ (Классовая структура и условия жизни корейцев Восточной Маньчжурии в конце 20 – начале 30-х гг.). // Ёкса квахак. – 1967. – №1. – С. 10–18.
9. О Сэчхан. Чэман ханин ы сахвечок сильтхэ 1910–1930 (Социальное положение корейцев в Маньчжурии 1910-1930 гг.). // Пэксан хакпо. – Сеул, 1970. – № 9. – С. 130–144.